

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ: ХАЙДЕГГЕР — БИНСВАНГЕР — БОСС

Ольга Власова*

Summary

The article is devoted to the research of the interrelation of theoretical system of the Dasein-analysis and M. Heidegger's existential analytics. Different variants of the Dasein-analysis, offered by L. Binswanger and M. Boss are considered. The special attention is paid to the criticism of the Dasein-analysis stated by Heidegger on Zollikon seminars, and also his own Dasein-analytical interpretation of psychopathological phenomena.

Keywords: fundamental ontology, regional ontology, existential a priori, being-in-the-world, openness.

В своей близости к клиницистам Хайдеггер повторил путь Шеллинга. Именно в психопатологии его мысль обрела второе рождение: обозначив *Бытием и временем* установки «экзистенциальной парадигмы» в психиатрии и скорректировав плоды своего же влияния на Цолликоновских семинарах, Хайдеггер навсегда вошёл в историю науки о патологических явлениях человеческой психики. Фундаментальная онтология Хайдеггера является той точкой, которая знаменует переход от феноменологической психиатрии к экзистенциальному анализу, от внутреннего опыта безумия к его целостному существованию и, главное, от описательных исследований дескриптивной психопатологии к построению региональной онтологии психиатрии и поискам оснований не только патологического, но и «нормального» бытия.

Всякая наука имеет в основе определённое представление о мире, а значит, и определённую онтологию. Истина любой науки оказывается, исходя из таких представлений, не абсолютной истиной, а онтологически относительной. Пользуясь предложенными Хайдеггером критериями различения анализа естественнонаучного и философского, можно утверждать, что любая наука в рамках причинного объяснения явлений всегда сохраняет свои границы. Если же она начинает использовать анализ как поиск целостности, поиск фундаментальных

* Ольга Власова – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Курского государственного университета (Россия); e-mail: olga_vlasova@mail.ru; kgu_philosophy@mail.ru.

структур, стоящих за фиксируемыми ею явлениями, она неизбежно обращается к философии, расширяя тем самым свои пределы.

В реализации программы фундаментальной онтологии Хайдеггер, как мы помним, отводит науке достаточно скромное место. Вселенная, по его мнению, является полем высвечивания и очерчивания различных предметных областей. Эти области позволяют тематизировать себя в предметы в научных исследованиях. «Научное исследование, — пишет Хайдеггер, — проводит выделение и первую фиксацию предметных областей наивно и вчерне. Разработка области в её основоструктурах известным образом уже достигнута донаучным опытом и толкованием круга бытия, в котором очерчена сама предметная область. Возникшие так “основопонятия” оказываются ближайшим образом путеводными нитями для первого конкретного размыкания области» [1, с. 24–25]. Но онтическое спрашивание позитивных наук представляет собой только первый план размыкания. За ним следует онтологическое спрашивание. Именно поэтому «экзистенциальная аналитика присутствия лежит *до* всякой психологии, антропологии и уж подавно биологии» (курсив мой. — О. В.) [1, с. 63].

Фундаментальная онтология Хайдеггера даёт психиатрии новую методологию. Опираясь на эту методологию, психиатрия выходит за свои предметные рамки, ставя новые вопросы и пользуясь уже иной системой интерпретации, и превращается в философско-клиническую онтическую систему толкования бытия человека. Как мы помним, Хайдеггер чётко разграничивает случаи, которые необходимо должны быть доказаны, и те, доказательство для которых не требуется [2, S. 6]. Последние, на его взгляд, имеют под собой глубочайшие основания (*Begründung*), они фактически обоснованы онтологически. Как таковыми могут быть отнесены и патологические феномены. Основанием Dasein-аналитической психопатологии поэтому вполне может стать не естественнонаучная теория, обеспечивающая её доказательность, но фундаментальная онтология Хайдеггера, дающая ей онтологические основания.

Экзистенциальная аналитика противопоставляется Хайдеггером категориальному анализу. И поэтому она должна быть противоположна традиционной психиатрии с её классами симптомов и синдромов и подведением под эти классификации разнообразных явлений психической жизни. Необходимо отказаться также и от традиционных понятий, которыми оперируют психология и психиатрия. В лекции, которая открывала Цолликоновские семинары, в клинике Бургхольцли он говорит:

«В ракурсе аналитики Dasein все традиционные, однобокие определения в психологии и психопатологии, такие как душа, субъект, человек, эго или сознание, должны быть оставлены в пользу совершенно иного понимания» [2, S. 3].

Многие психиатры внимательно прочитали *Бытие и время* и, взяв за основание фундаментальную онтологию, попытались преодолеть методологический кризис психиатрии. Вплетая элементы экзистенци-

альной аналитики в свои теоретические системы, они искали новые возможности понимания психического расстройства, а также стремились преодолеть недостатки феноменологии Гуссерля, уже вошедшей в их науку в рамках феноменологической психиатрии. Основными моментами последней, не позволяющими построить всеохватывающей психопатологической системы, необходимость преодоления которых имела решающее значение для обращения психиатров к фундаментальной онтологии Хайдеггера, явились: 1) чёткое ограничение предметного поля исследования феноменальным миром чистого сознания, пространством внутреннего опыта; 2) ограниченность метода понимания и интуиции, поскольку многие психопатологические феномены невозможно исследовать с их помощью; 3) закрытость внутреннего пространства сознания, непроработанность проблемы интерсубъективности и, как следствие, невозможность разработки теории коммуникации врача и больного.

Пионером в использовании экзистенциальной аналитики в психиатрии и автором блестящей системы экзистенциальной антропологии становится Людвиг Бинсвангер. Когда в 1927 выходит *Бытие и время*, Бинсвангер сразу же читает этот труд, после чего впервые встречается с самим Хайдеггером, а в 1929 посещает его лекцию во Франкфурте. Впоследствии они несколько раз встречаются во Фрайбурге, Констанце, Кройцлингене, а также на восьмидесятилетии Бинсвангера в Амрисвиле. Между ними завязывается переписка, которая, по данным Г. Шпигельберга, насчитывает около тридцати пяти писем.

С помощью экзистенциальной аналитики Хайдеггера Бинсвангер пытается преодолеть субъект-объектную оппозицию и исследовать целостное существование человека в мире. Однако он не просто разовьёт положения фундаментальной онтологии. Своеобразно соединив их с кантианством, он введёт конструкт экзистенциально априорных структур человеческого существования, применив тем самым онтологию Хайдеггера к конкретному человеку. По словам Шпигельберга, позднее он признает, что его оригинальная интерпретация, фактически, была основана на ошибочном понимании экзистенциальной аналитики, которое повлекло за собой попытку использовать онтологическую структуру человеческого существования для понимания бытия как такового [3, р. 204]. Ханс Кунц назовёт это продуктивной ошибкой Бинсвангера. Именно ей экзистенциальный анализ обязан своим рождением.

Бинсвангер признаёт, что заимствовал термин «априори» у Канта, максимально его расширив. Сама возможность экзистенциальных априори, да и любого модуса существования, предполагает зафиксированную экзистенцию, т. е. первоначальный фундаментальный выбор, что приводит нас ближе к Сартру, чем к Хайдеггеру. Эта зафиксированная экзистенция есть проект мира, как говорит Бинсвангер, предпроект. Предпроект и у Бинсвангера, и у Сартра определяет контекст, в котором конституируется мир, придавая ему определённый смысл. Экзистенциально априорные структуры, тем самым, как концепты обязаны своим рождением не только Хайдеггеру, но и Сартру.

Априорные структуры определяют саму возможность возникновения психического заболевания, а также его конфигурацию. Описывая случай своей пациентки Эллиен Вест, Бинсвангер среди прочего отмечает, что только априорные или трансцендентальные формы человеческого разума делают опыт тем, чем он является:

«Экзистенциальный анализ ... не постулирует устойчивость структуры внутренней жизни-истории, а скорее исследует предшествующую или лежащую в её основе фундаментальную трансцендентальную структуру, априори всех психических структур как само условие этой возможности (возможности разрушения психической структуры. — О. В.)» [4, р. 8].

Что же представляют собой эти априорные экзистенциальные структуры? В данном случае мы попытаемся ответить на вопрос, двигаясь от следствия к причине (хотя и противореча Бинсвангеру, поскольку такие понятия здесь, по его мнению, применяться не могут): от того, что обеспечивают эти структуры, к тому, чем они являются. Априорные экзистенциальные структуры определяют матрицу возможного опыта индивида, т. е. саму возможность возникновения того или иного опыта. Эта матрица создаёт объекты мира, с которыми сталкивается человек, создаёт, поскольку придаёт им определённый смысл, обуславливает контекст индивидуального значения. Для обозначения экзистенциальных априорных структур Дж. Нидлман предлагает использовать понятие «экзистенциальные априори» и характеризует их следующим образом: «Они есть универсалии или формы, которые занимают по отношению к опыту *каждого* человека такое же положение, какое кантовские категории рассудка занимают по отношению к объектам, которые мы познаём» (курсив мой. — О. В.) [5, с. 32]. Экзистенциальные априорные структуры не существуют независимо от опыта индивида, а только в связи с ним; хотя они являются доопытными по своей природе, вне мира и человеческого существования они не мыслимы. Отделить эти категории от самого мира и существования, которое они обуславливают, невозможно.

Эти экзистенциальные априори являются производными *Dasein*, а не «я» или личности, и являются результатом не сознательного или бессознательного выбора, но фундаментального, онтологического, выбора в сартровском смысле. Априорные экзистенциальные структуры составляют определённый способ бытия-в-мире, модус *Dasein*, который не обуславливает, но управляет теми или иными значениями событий для индивида. Именно поэтому экзистенциальные априори суть смысловая матрица возможного опыта. Задавая смысл, экзистенциальные априори конституируют мир пациента. Они образуют как бы стержневую структуру, каркас бытия-в-мире. Поэтому Бинсвангер сравнивает эту трансцендентальную структуру с заботой у Хайдеггера.

Экзистенциальные априори являются своеобразным горизонтом сознания, пределом возможного опыта индивида. Именно этот горизонт опыта составляет тот смысловой контекст, который этот опыт делает возможным. Он поддерживает темпоральность человеческого

существования, прошедшие события в его пределах остаются настоящими. «Экзистенциальное априори, — пишет Дж. Нидлман, — делает возможным влияние прошлого на настоящее; связь нынешнего индивидуума с его прошлым сама по себе не детерминирована этим прошлым, а детерминирована горизонтом, в рамках которого он переживает и настоящее, и прошлое» [5, с. 88]. Стержнем априорных экзистенциальных структур у Бинсвангера становится трансцендентальная категория, представляющая собой универсалию, определяющую опыт не в смысле причинности, а в смысле контекста. Она является источником и травмирующего детского опыта — первого опыта, в котором она открывается, — и тем самым обладает властью над существованием человека.

Бинсвангер конкретизирует экзистенциальную аналитику Хайдеггера и превращает её из фундаментальной онтологии в фундаментальную антропологию. Это позволяет ему преодолеть противоречия феноменологии Гуссерля и на позднем этапе творчества вновь к ней вернуться. Хайдеггер не устал критиковать трактовку его экзистенциальной аналитики, предложенную Бинсвангером, уточняя тем самым и основные моменты своей собственной теории. Отмечая различия между собственной *Dasein*-аналитикой и *Dasein*-анализом Бинсвангера, Хайдеггер указывает:

«Из фундаментально-онтологической аналитики *Dasein* “психиатрический *Dasein*-анализ” (Бинсвангер) заимствовал основной концепт *Бытия и времени бытие-в-мире* и сделал его единственным основанием своей науки» [2, S. 236].

Между тем, бытие-в-мире, на взгляд философа, является не единственной и исключительной структурой фундаментальной онтологии, но лишь тем концептом, который необходимо обозначить в самом её начале. По мнению Хайдеггера, Бинсвангер полностью исключает из своего экзистенциального анализа уровень фундаментальной онтологии. Обращаясь к книге Х. Хафнера о психопатии, Хайдеггер говорит:

«Когда Хафнер утверждает, что психиатрический *Dasein*-анализ заимствует свой метод у Хайдеггера, он заявляет невозможное, поскольку фундаментальная онтология Хайдеггера — это онтологический метод, а психиатрический *Dasein*-анализ — не онтология» [2, S. 253].

Бинсвангер, по мнению Хайдеггера, забывает, что бытие в отрыве от сущего не существует. «Бытие есть всякий раз бытие сущего» [1, с. 24], — пишет Хайдеггер в *Бытии и времени*. Тот анализ, который опускает эти отношения, как подчеркивает он, не является анализом *Dasein*:

«Психиатрический “*Dasein*-анализ” имеет дело с искажённым *Dasein*, из которого изъята и уничтожена его основная особенность» [2, S. 237].

Устранение фундаментальной онтологии из психиатрического *Dasein*-анализа, по мнению Хайдеггера, является выражением оши-

бочного понимания отношений между самой фундаментальной онтологией и онтологией региональной, имеющейся у каждой науки, в том числе и у психиатрии. Первая является не просто общей базой для второй: фундаментальная онтология присутствует в пределах любой онтологии, и отказ от неё невозможен. «Ни одна из этих региональных онтологий, — отмечает Хайдеггер, — не может быть лишена оснований, и менее всего региональная онтология психиатрии как области исследования, включающей развёртывающуюся сущность человека» [2, S. 238].

Следствием указанного упущения является неадекватное толкование бытия-в-мире и трансценденции, в частности — их отождествление. В случае таких натяжек можно с лёгкостью добиться упразднения субъект-объектной оппозиции и введения более обширного и продуктивного понятия субъективности субъекта. Хайдеггер вопрошает:

«Каково значение “рецепции” *Бытия и времени* для психиатрии? Здесь (в *Бытии и времени*) [Бинсвангер видит] реальную выгоду: основание “для того, чтобы преодолеть проблему субъективности с научной точки зрения”» [2, S. 238].

Но, продолжает Хайдеггер, истинная фундаментальная онтология в его собственной трактовке не предполагает противопоставления понятий субъекта и объекта и поэтому не констатирует никакой оппозиции, которую необходимо преодолеть. В рамках *Бытия и времени*, как считает Хайдеггер, нет никакой проблемы субъективности, бытие-в-мире не является свойством субъективности, поскольку является прежде всего специфически человеческим способом существования.

Еще одним пунктом экзистенциального анализа Бинсвангера, как мы помним, является утверждение о том, что психиатрический экзистенциальный анализ приоткрывает завесу над структурой *Dasein*. Развивая критику Хайдеггера, можно с уверенностью утверждать, что такое невозможно, поскольку никакого перехода между онтологическим и онтическим просто не существует, они теснейшим образом связаны. По той же причине невозможен и переход, или переходная сфера, между конкретной наукой и фундаментальной онтологией. Хайдеггер отмечает:

«Утверждение Бинсвангера о связи между аналитикой *Dasein* и специфической предметной областью психиатрии могло возникнуть только вследствие неверного понимания. Оно сформировано на основании теории, согласно которой онтология располагается высоко, как солнце, а конкретная объектная область внизу. Он постоянно мечется взад-вперёд между верхней и нижней областями. Однако в действительности нет высшей и низшей области, потому что они никак не отделены друг от друга» [6, S. 254–255].

Как считает Хайдеггер, онтология не может устанавливать принципы для *Dasein*-аналитического исследования в психиатрии, эти принципы и есть его содержание. Они совместно определяют иссле-

дование расстройств у конкретного человека. Конкретная наука, как и фундаментальная онтология, по его мнению, способна увидеть онтологические структуры, но не может понять их [цит. по: 6, S. 255]. Поэтому поставленные в экзистенциальном анализе Бинсвангера задачи (а конкретнее – исследование модификаций *Dasein*), исходя из таких представлений, недостижимы.

Как мы видим, Хайдеггер воспринял экзистенциальную антропологию Бинсвангера достаточно прохладно, найдя в ней множество пунктов несоответствия собственным идеям. Намного благосклоннее он относился к другому психиатру, по этим причинам постоянно оспаривавшему статус родоначальника и «правоверного идеолога» *Dasein*-анализа, – Медарду Боссу.

В предисловии к первому изданию *Цолликоновских семинаров* Босс рассказывает историю своего знакомства с работами Хайдеггера и с Хайдеггером лично. Эта история весьма занимательна. Во время Второй мировой войны Босс служил военным врачом в швейцарской армии, а конкретнее – батальонным доктором в горах Швейцарии. В соответствии с уставом швейцарской армии, к нему приставили, как он вспоминает, по меньшей мере троих врачей-ассистентов. Личный состав, за здоровьем которого он должен был наблюдать, состоял из крепких мужчин из горных районов, привыкших выполнять тяжёлую работу. Поэтому в течение всего периода службы в армии он вынужден был сидеть без дела. Но это безделье, как оказалось впоследствии, пошло ему только на пользу. Босс пишет:

«Впервые в моей жизни на меня часто находила скука. То, что мы называем “временем”, стало для меня проблемой. Я начал напряжённо размышлять об этой “вещи”. В доступной мне литературе я искал какую-либо информацию об этом феномене. Случайно я натолкнулся на газетную статью о книге Хайдеггера *Бытие и время*, в которую я тотчас погрузился, но обнаружил, что почти ничего из неё не понял. Книга ставила вопрос за вопросом, с которыми я никогда не сталкивался в моей естественнонаучной подготовке» [2, S. VII].

В 1947 Босс пишет Хайдеггеру первое письмо. Тот, как ни странно, отвечает, и этим письмом открывается их многолетняя переписка:

Тодтнауберг, 3 августа 1947 г.

«Уважаемый д-р Босс!

Я благодарю Вас за доброжелательное письмо. Те, кто читает медленно, вызывают гораздо больше доверия, чем те, кто понимает всё мгновенно.

<...> Вы знаете, проблемы психопатологии и психотерапии, включая вопрос об их основаниях, очень интересуют меня, хотя мне и не достаёт профессиональных знаний и осведомлённости в фактических исследованиях. Поэтому я весьма заинтересован вашими материалами.

<...>

Если у Вас есть возможность в какой-то мере поддержать мою работоспособность небольшим пакетом шоколада, то я был бы Вам весьма признателен.

С дружескими пожеланиями,

С уважением,

М. Хайдеггер» [2, S. 299].

В 1949 Босс впервые едет к Хайдеггеру в Тодтнауберг, и переписка перерастает в крепкую дружбу. Р. Сафрански пишет, что «Мартин Хайдеггер ожидал многого от общения с этим врачом, который, казалось, понимал его мышление» [6, с. 532]. Известно, что Хайдеггер никогда не пользовался психотерапевтическими услугами Босса, по-видимому, ему слишком дорога была их дружба. Тем не менее, однажды Хайдеггер поведал ему свой якобы единственный, но часто повторяющийся сон. Ему снилось, что он ещё раз должен сдать экзамены на аттестат зрелости, причём тем же преподавателям, которые когда-то их у него принимали. По этому поводу Босс пишет в своих записках: «В конце концов, этот стереотипный сон перестал ему сниться – после того как он, уже в бодрствующем мышлении, сумел осознать “бытие” в свете “события”» [6, с. 533–534]. Весьма любопытно, что Босс «излечил» Хайдеггера его же методами.

Новый взгляд, подаренный Боссу Хайдеггером, реализуется при написании им целой серии работ, последовавших за знакомством с философом: *Смысл и содержание сексуальных перверсий: вклад Dasein-анализа в психопатологию феномена любви, Сновидение и его толкование, Введение в психосоматическую медицину, Психоанализ и Dasein-аналитика* [7]. Во всех указанных работах Босс развивает проект *Dasein*-анализа и указывает на необходимость *Dasein*-аналитических исследований в психиатрии.

На основании фундаментальной онтологии Хайдеггера Босс строит собственную концепцию *Dasein*-анализа. Ему не просто нравилась теория, предложенная Хайдеггером, он не просто видел в ней ключ к реформированию психиатрии как науки о человеке. Он был очарован Хайдеггером-человеком. Хайдеггера и Босса связывала не просто интеллектуальная переписка, как это было у Бинсвангера с Фрейдом, а многолетняя дружба. И это при том, что Хайдеггер не любил заводить знакомств и был очень требователен к друзьям. Именно поэтому Босс воспринимает теорию Хайдеггера как абсолютную данность. После знакомства с Хайдеггером он ни в один период своей творческой деятельности не сомневается в истинности его теории и поэтому принимает её в первоизданном виде. Хотя в интервью Эриху Крейгу [8, р. 24–25] он и говорит, что горизонты мысли его учителя настолько широки, что не всегда можно было к ней приблизиться, в меру своих возможностей он подошёл к ним достаточно близко, ближе всех, кого принято называть экзистенциальными аналитиками. Он совершенно не изменяет суть *Dasein*-аналитики, оставляет всю хайдеггеровскую терминологию: «открытость», «бытие-в-мире», «Dasein», «просвет» и др. Как пронизательно подмечает А. М. Руткевич, «Босс чуть ли не

на каждой странице повторяет, как заклинания, эти хайдеггеровские положения...» [9, с. 145].

Центральным в *Dasein*-анализе Босса оказывается понятие открытости, заимствованное у Хайдеггера. При этом открытость и высвечивание становятся причиной всех патологических феноменов человеческого существования. Именно потому, что человеческое бытие способно высвечивать вещи и бытие как таковое, в патологических состояниях нередко встречаются ощущения, когда человек слышит, что что-то приближается к нему одновременно и ниоткуда и отовсюду, что что-то сообщает ему белый лист бумаги, стул, самолёт, что все предметы наделены определённым значением, образуя при этом наделённую смыслом целостность. Это возможно, поскольку существование человека является высвечиванием, люминацией бытия и вещей, которые ему принадлежат. Это, как считает Босс, не галлюцинации, это проявление фундаментального свойства бытия. Такие факты, по его мнению, показывают, что «*Dasein*-аналитическое описание фундаментальной сущности человеческого бытия-в-мире справедливо для всех возможных способов бытия, будь они нормальными или психическими» [10, р. 39].

Обращаясь к Хайдеггеру, Босс превращает его теорию в инструмент интерпретации, принимая её истинность как изначальную данность. Поэтому отдельные факты жизни и симптомы оказываются связанными между собой не внутренними, присущими им связями, но связями хайдеггеровской теории. Фактически, в *Dasein*-аналитической практике Хайдеггер оборачивается всё тем же Фрейдом, психоаналитическую теорию которого Босс стремится преодолеть. Это становится понятно, если обратиться к примерам его *Dasein*-аналитического толкования.

Босс приводит множество примеров *Dasein*-аналитического толкования сновидений, но наиболее любопытными являются его рассуждения о сновидениях про зубную боль и выпадение зубов. Поскольку этот отрывок многое проясняет, позволим себе привести его полностью. Итак, Босс пишет:

«Вместо того чтобы обсуждать весьма надуманные объяснения этих сновидений, например Фрейдом (который предполагал, что они тесно связаны с мастурбацией) или другими теоретиками психоанализа, мы просто спрашиваем о непосредственном значении наших зубов. Наши зубы без сомнения принадлежат тем отношениям с миром, которые связаны с удерживанием, захватом, нападением на что-либо. Ещё мы схватываем внутреннюю суть того, с чем сталкиваемся, т. е. понимаем это с целью “схватить” наш мир. Через переживание во сне выпадения зуба человек понимает смысл отказа от используемых способов “схватывания мира”, в любом смысле этого слова. Поэтому эти сновидения часто возникают в начале анализа, когда пациент заменяет старый способ видения мира новым представлением о нём. Короче говоря, можно сказать, что сны о выпадении зубов связаны с ситуацией изменения мировоззрения (*Weltanschauung*)» [10, р. 267].

Как мы видим, последней инстанцией, которая обуславливает достоверность толкования и интерпретации в *Dasein*-анализе, становится «непосредственное значение». Как и субъективные, многие объективные феномены наделяются изначальной достоверностью. Точнее, достоверностью их наделяет осуществляющий интерпретацию *Dasein*-аналитик. Такой же механизм, кстати, характерен для психоанализа: здесь именно аналитик указывает пациенту на те достоверные бессознательные феномены, которые стоят за симптомами его расстройства. Осознание и проживание подлинного существования в *Dasein*-анализе становится поэтому сродни осознанию бессознательного и проработке внутреннего конфликта.

Не менее любопытными результатами общения Босса и Хайдеггера являются Цолликоновские семинары. Начались они в сентябре 1959 с лекции Хайдеггера в аудитории всемирно известной психиатрической клиники Университета Цюриха «Бургхольцли». Аудитория, незадолго до этого отремонтированная, выглядела гиперсовременно и была оснащена различным оборудованием, что, как вспоминал Босс, создавало для размышлений Хайдеггера не вполне комфортную атмосферу. Решено было перенести семинары в дом Босса в Цолликоне. Два-три раза в семестр, приблизительно в течение двух недель Хайдеггер гостил у него с частными визитами. В это время и проводились семинары: вечером, дважды в неделю по три часа. Первыми слушателями были студенты и коллеги самого Босса, которых сначала набиралось около 50–70 человек.

Хайдеггер тщательно готовился к каждому семинару, посвящая подготовке целый день. Несмотря на это, на первых встречах стояла напряжённая тишина, поскольку никто из присутствующих ничего не понимал. Да и сам Босс, по его собственному признанию, не мог заполнить возникавшие паузы, поскольку тогда ещё был в теории Хайдеггера новичком. Хайдеггер впоследствии говорил, что чувствовал себя марсианином, по воле провидения попавшим на Землю. Действительно, для сидевших в аудитории он мог казаться только марсианином, говорящим о чём-то невразумительном и вздорном, тогда как их наука уже дала внятное объяснение обсуждаемым феноменам. Позднее, 3 марта 1972, Босс чётко выразит это настроение в беседе с Хайдеггером о проблеме тела и души. В ответ на сложные философские выкладки своего друга он говорит: «Я боюсь, что коллеги-учёные будут только смеяться над таким представлением» [2, S. 294]. Тем не менее, постепенно контакт между философом и врачами всё же налажился, и семинары оказались чрезвычайно продуктивными как для присутствовавших на них слушателей — врачей и психологов, — так и для самого Хайдеггера. Закончились они лишь в 1970, когда постаревший Хайдеггер уже не мог выдерживать напряжённый график.

Протоколы Цолликоновских семинаров весьма и весьма любопытны, поскольку большинству исследователей, занимающихся философией, Хайдеггер знаком как автор *Бытия и времени* и других печатных работ. Цолликоновские семинары представляют нам живого, динамичного Хайдеггера. Мы можем увидеть его стиль мысли, то,

как в данный момент рождаются и аргументируются его идеи. Это поздний Хайдеггер, пересмотревший многие идеи раннего *Бытия и времени*, Хайдеггер, совершенно не известный в России. Но нам любопытно и другое. В семинарах он представляет нам свой взгляд на феномены, ранее не охваченные его экзистенциальной аналитикой, те, осмысления которых требовала аудитория врачей и психологов. Это и психоанализ Фрейда, и статус психиатрии, и патологические феномены психики, и контакт между врачом и пациентом, а также многое другое. Поэтому в каком-то смысле Хайдеггера можно причислить к Dasein-аналитикам, ведь Цолликоновские семинары проводились в поле уже сформировавшегося экзистенциального анализа.

Во время многолетнего общения с Боссом Хайдеггер значительно продвинулся на пути изучения психиатрии. Сам Босс, как это явствует из писем Хайдеггера, не раз давал ему книги. Позицию Хайдеггера относительно психиатрии, которую он демонстрирует на Цолликоновских семинарах, а также в беседах и письмах к Боссу, можно назвать критической. Противопоставляя свою экзистенциальную аналитику современному естествознанию, и в частности психиатрии, он, тем не менее, не предлагает сколько-нибудь разработанной альтернативной теории. Хайдеггер выступает как промежуточное звено между естествознанием и экзистенциальным анализом в лице Босса. Если вспомнить всем известную гегелевскую триаду «тезис – анти-тезис – синтез», то здесь мы видим аналогичную: «психиатрия – фундаментальная онтология Хайдеггера – Dasein-анализ Босса».

Разбирая понятия болезни и здоровья, Хайдеггер отмечает, что медицина основывается на понятии отрицания, понимая его как нехватку и отсутствие. Он говорит:

«Доктор спрашивает того, кто к нему приходит: “Что с вами не так?” Больной человек *не здоров*. Это бытие-здоровым, это хорошее самочувствие, это ощущение того, что с тобой всё в порядке, не просто отсутствует, оно разрушено. Болезнь не является чистым отрицанием психосоматического состояния здоровья. Болезнь – это явление отсутствия. Каждое отсутствие подразумевает сущностную принадлежность чему-то, что испытывает в чём-то недостаток, в чём-то нуждается» [2, S. 28].

Отсутствие и недостаток всегда отсылает к тому, чего недостает больному, поэтому, обращаясь к болезни, врачи, как считает Хайдеггер, имеют дело и со здоровьем, особенно в смысле его нехватки и необходимости восстановления. Подобно тени, которая является недостатком освещения, а не его отсутствием, болезнь – это недостаток здоровья:

«Таким образом, небытие здоровым, бытие больным является модусом существования в отсутствии. Природу бытия больным, соответственно, нельзя схватить без чёткого определения бытия здоровым» [2, S. 59].

Как известно, одной из центральных проблем психопатологии является проблема негативных симптомов психического расстрой-

ства – бреда и галлюцинаций, – поэтому неудивительно, что к этой проблематике обращается и Хайдеггер. Он обсуждает с Боссом случай больного-шизофреника, простого рабочего фабрики, который всю жизнь считает себя гомосексуалистом. Через несколько дней после отъезда своего друга, проснувшись ночью, этот человек видит на противоположной стене своей комнаты восходящее солнце, а он как бы лежит под солнцем. Феноменологию этой галлюцинации Хайдеггер и пытается представить. Он отмечает, что при осмыслении сущности и причин галлюцинаций нельзя отталкиваться от различия реального и нереального, нужно начать с исследования характера отношений к миру, в которые вовлечён больной в данное время. Для психиатров, подчёркивает Хайдеггер, важно знать, что существуют разнообразные способы присутствия, разные способы открытости *Dasein* миру:

«Вдобавок к модусу присутствия как физически воспринимаемого и актуального существует, например, и модус присутствия представляемых вещей физически не воспринимаемым способом. Кроме того, есть модус сохранения того, что произошло в определённое время. Так же, как в нашем случае, существует модус присутствия чего-то, что галлюцинируется и не может быть изменено. Есть модус присутствия иллюзии, которым можно управлять. Затем есть то, что предполагается, а также то, что отсутствует» [2, S. 195].

Галлюцинирующий человек может лишь наблюдать свой мир как физически видимый, как непосредственное бытие-присутствие. Он не способен понять различия между тем, что присутствует, и тем, что отсутствует, а поэтому не может свободно существовать в мире. Как следствие, больной ощущает отъезд друга только как навязчивое присутствие чего-либо, в данном случае солнца, но пережить отсутствия друга не способен. Существование в этом случае раскрывается не в отсутствии, а лишь в присутствии.

Все идеи Хайдеггера относительно психопатологических феноменов нашли продолжение в работах Босса. Его книга *Экзистенциальные основания медицины и психологии*, как явствует из переписки, была написана под чутким руководством Хайдеггера. И, на наш взгляд, вполне может быть признана плодом их совместного творчества. Получается, что *Dasein*-анализ и сформировался под влиянием идей Хайдеггера (например, в работах Бинсвангера и его последователей), и был самим же Хайдеггером скорректирован (на заседаниях Цолликоновских семинаров).

Как мы видим, и Бинсвангер и Босс предлагают, на их взгляд, новую схему интерпретации. Точнее, это своеобразное понимающее истолкование. Экзистенциальные аналитики наследуют метод понимания от своей предшественницы феноменологической психиатрии, а точнее, от понимающей психопатологии К. Ясперса. Только в *Dasein*-анализе границы понимания раздвигаются, и кроме внутренних феноменов психики больного понимающая психопатология начинает охватывать также его существование, события его жизни-истории.

В основу *Dasein*-аналитического истолкования его представители кладут экзистенциальную аналитику Хайдеггера: у Бинсвангера в антропологической, у Босса в онтологически ориентированной версии. Жизнь больного, его болезнь понимаются как особый модус бытия-в-мире со своими структурой и спецификой. Считается, что *Dasein*-анализ делает принципиально новый шаг именно благодаря обращению к экзистенциальной аналитике Хайдеггера. Если экзистенциалы, выделенные Хайдеггером, представляют бытие человека как такового, то экзистенциальные априори Бинсвангера представляют существование конкретного человека. В этом отношении экзистенциальный анализ и экзистенциальная аналитика соотносятся друг с другом как психология с философией: экзистенциальная аналитика исследует фундаментальные основания существования, а экзистенциальный анализ – индивидуальные вариации. Онтологические формулы Хайдеггера тем самым наполняются содержанием, смыслом.

Действительно, это позволяет представителям экзистенциального анализа более широко охватить опыт безумца, включив в него всю совокупность окружающих явлений, весь мир, превратив тем самым опыт в бытие-в-мире. Смена конструктов, в рамках которых описывается личное существование и мировосприятие больного, приводит к оживлению опыта, приданию ему активного характера. Он как бы расширяется, акцентируется его выражение, его проживание.

Исследуя патологические изменения, представители экзистенциального анализа охватывают онтологическую и онтическую области и стремятся связать их в опыте психически больного человека. Онтологические философские понятия, как мы уже отмечали, превращаются у них в онтические. Они изучают не столько психологию и переживания психически больного человека, сколько фундаментальные основания его существования. Можно сказать, что *Dasein*-анализ интересуют в основном онтологические основания опыта. Откуда берётся такой интерес? По-видимому, здесь, с одной стороны, присутствует стремление заменить естественнонаучные основания психиатрии фундаментальной философской онтологией, а с другой – желание продолжить феноменологическую онтологию, включив в неё живого индивида.

Здесь, конечно, возникают многочисленные вопросы: что запускает трансформацию оснований существования человека? Почему в психическом заболевании происходят такие трансформации? К сожалению, в работах представителей экзистенциального анализа ответов мы не найдём. Задача связать онтологию и онтику – очень трудная задача. Закономерно, что преодолеть этот разрыв ни феноменологической психиатрии, ни *Dasein*-анализу не удаётся. Возможно, что Хайдеггер прав, и психиатрия в принципе не способна приоткрыть завесу над онтологическими основаниями опыта. В любом случае, проблема взаимодействия онтологии и онтики является одной из центральных проблем, которую феноменологическая психиатрия поставила перед философией. И в этом состоит её важнейшее значение для философии XX века.

Литература

1. Хайдеггер М. *Бытие и время* / Пер. В. В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003.
2. Heidegger M. *Zollikoner Seminare: Protokolle – Zwiegespräche – Briefe*. Hrsg. von M. Boss, Frankfurt am Main.: Klostermann, 1994.
3. См.: Spiegelberg H. *Phenomenology in Psychology and Psychiatry: A Historical Introduction*. Evanston: NorthWestern University Press, 1972.
4. Binswanger L. *Existential analysis and psychotherapy / Psychoanalysis and Existential Philosophy*. Ed. by H.M. Ruitenbeek. N.Y.: E.P. Dutton & Co, 1962.
5. Нидлман Дж. *Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера* // Бинсвангер Л. *Бытие-в-мире*. М.; СПб., 1998.
6. Сафрански Р. *Хайдеггер: Германский мастер и его время*. М., 2002.
7. Boss M. *Sinn und Gehalt der sexuellen Perversionen – Ein daseinsanalytischer Beitrag zur Psychopathologie des Phänomens der Liebe*. Bern: Hans Huber, 1947; Boss M. *Der Traum und seine Auslegung*. Bern: Hans Huber, 1953; Boss M. *Einführung in die psychosomatische Medizin*. Bern: Hans Huber, 1954; Boss M. *Psychoanalyse und Daseinsanalytik*. Bern: Hans Huber, 1957.
8. Craig E. *An encounter with Medard Boss // Humanistic Psychologist*. 16 (1988).
9. Руткевич А. М. *От Фрейда к Хайдеггеру: Критический очерк экзистенциального психоанализа*. М., 1985.
10. Boss M. *Psychoanalysis and Daseinsanalysis*. N.Y.; L.: Basic Books, 1963.